

НАТАЛЬЯ ПЕТРЕНКО

ВЕРСЕРКА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ0

Иллюстрации на переплете художницы *DAFAQ*

Иллюстрации на форзаце *Антон Алексеев*

Петренко, Наталья Евгеньевна.

ПЗ0 Берсерка / Наталья Петренко. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с.

ISBN 978-5-04-193789-8

Она — Торвейг. Дочь могучего ярла. Берсерка, чья сила пробуждается в минуты ярости и позволяет оборачиваться медведицей. Но этот дар становится проклятием, а коварство и ложь вынуждают бежать из родного дома. Долгий и опасный путь, полный сражений и потерь, ведёт её в далёкую Гардарику. Лишь там Торвейг обретёт не только славу непобедимой воительницы, но и ответы на вопросы, жгущие её огнём. Кто на самом деле сжёг её родной Винтерхейм? Кто стоит за гибелью брата? И сможет ли она простить того, чья вина не так очевидна, как кажется?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Петренко Н.Е., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-193789-8

Глава 1

Богат и славен двор Рагнара Рагнарссона, что стоит на самом краю света в суровом скалистом Рогаланде. Не одну песню сложили скальды о доблести ярла и красоте его жены Гуннхильд. В девичестве она носила броню — но потом стала доброй хозяйкой, как от предков завещано женщине. Воинское счастье не покидало Рагнара. Раз за разом он возвращался невредимым из дальних походов в родной Винтерхейм, а с боевого корабля нес-ли сундуки с добычей, вели пленников. На долгих пирах в гостеприимном Рагнарском доме рекой лились пиво и мед, а случайный путник всегда мог найти в Винтерхейме крышу над головой и место у очага.

Сердце Гуннхильд замирало от счастья, стоило ей лишь взглянуть на своего мужа. Одна только Силье-рыбачка, верная подруга, знает, сколько слез пролила дочь Торварда, моля богов послать ей Рагнара в мужья. Силье помнит, как Гуннхильд искала смерти в бою, узнав волю своего отца: пойти за немилым. Даром что Сигват-ярл был много богаче и знатнее Рагнара... А потом из-за моря явилась отчаянная гардская девчонка и поехала с Рагнаром на остров — биться до смерти. У нее была обида, за которую виру не спрашивают, — убитый брат. Однако норны распорядились по-своему: накануне Рагнар выпил от-

Наталья Петренко

равленное питье и впервые в жизни проиграл поединок. Когда Гуннхильд примчалась на остров, ее возлюбленный лежал, залитый собственной кровью, а гардская воительница стояла над ним, опираясь на меч, но смертельного врага почему-то не добивала.

Рагнар две седмицы провел в повязках, находясь между жизнью и смертью. Все это время Гуннхильд сидела у его изголовья, поила отварами, резала на кости целительные руны, время от времени смачивая их своей кровью, горячо молилась светлой Фрейе и грозному Одину. Пусть не забирают Рагнара в небесный чертог, пусть еще подождет Одноглазый, пусть незанятым останется почетное место в Вальгалле... Раз Гуннхильд показалось, что она видит валькирий, явившихся за Рагнарсом в самый глухой предрассветный час: три прекрасные белокурые девы стояли у порога, а во дворе били копытами их кони. Дочь Торварда встала над Рагнарсом и крепко сжала в руках копье: она была готова биться сейчас хоть со всем Асгардом. Две валькирии взглянули презрительно, а самая младшая усмехнулась и приветливо взмахнула рукой. И растаяли в полумраке, будто и не было их.

И случилось чудо: наутро хёвдинг открыл глаза и заговорил. Его раны очистились, злая отравка покинула тело. А еще через десять дней Рагнар посватался к Гуннхильд. Он заплатил Торварду богатый выкуп, щедро одарил Сигвата и пообещал ему вечную дружбу. Сигват счел за благо не становиться на пути у Рагнара, здраво рассудив, что поддержка могучего вождя ему пригодится. А вскоре женился на Эльвере, младшей сестре Гуннхильд, прекрасной и нежной девушке, чья душа была чище горного родника.

Теперь Винтерхейм ничуть не уступает владениям Сигвата-ярла: две сотни воинов садится за стол Рагнара, многочисленные рабы пасут его скот в горных лощинах, сажают ячмень, ловят рыбу, сбивают масло, кууют железо, делают посуду из глины, валят лес, заготовливают торф.

Берсерка

Женщины выделывают кожу, ткуют, прядут, вяжут, ходят за птицей. Три корабля у Рагнара Рагнарссона, и все — боевые драккары. Как-то Сигват спросил его: почему, мол, ты, Рагнар Рагнарссон, не снарядишь хоть один торговый корабль? «Что с бою взято, то свято, — будто бы ответил прославленный воин. — Милостью Одина, буду ходить в походы, пока рука держит меч. Наше богатство не торговлей прирастает». Или как-то не так сказал, но со скальдами никто не спорил — об этом разговоре потом сложили песню. Полосатые Рагнаровы паруса наводили страх на валландцев и энкландцев, а вот в гардские земли он больше не ходил.

Гуннхильд подарила Рагнару сыновей Виглафа и Вигмарра, похожих, как два гребня одной волны, как две стрелы в колчане. Оба в пятнадцать лет пошли с отцом в свой первый поход и вернулись мужчинами, воинами с обветренными лицами и непреклонным взглядом синих северных глаз. Оба гребли тяжелым веслом, ставили паруса, спина к спине рубились в жарких схватках. Виглаф и Вигмарр не получили в первом походе ни единой раны. И люди стали говорить, что на них перешла часть удачи Рагнара.

А еще у Рагнара была дочь. Родилась она в безлунную ночь, такую морозную, что дыхание стыло, едва сорвавшись с человеческих губ. Волки выходили из леса и заводили свои тоскливые жуткие песни у самого частокола, пугая скот. Госпожа Гуннхильд легко разрешилась от бремени и уже через час приложила малышку к груди. Рагнар совсем не досадовал, что вместо очередного сына родилась девчонка. Были у него Виглаф и Вигмарр, будут еще сыновья...

Повитуха Нанна, древняя, как старуха Хель, посоветовала назвать девочку Торвейг. Такое имя, мол, вполне прилично дочери могучего вождя. Рагнар одобрил, а вот Гуннхильд заколебалась. Да, имя славное и грозное, она сама носила подобное, но... еще не будучи замужем, дочь

Торварда слышала про какую-то Торвейг, наемницу, что сражалась вместе с отрядом викингов в Лангобрандии, а потом героически погибла, каким-то образом выручив всех. Рагнар Рагнарссон был в том отряде. И его она тоже спасла.

Гуннхильд смертельно хотелось расспросить супруга о той наемнице, но Силье отсоветовала: добра не будет. А Торвейг и вправду хорошее имя, по-северному твердое. Боги совсем не обещали спутницам викингов легкой жизни, хорошо, если и нрав будет имени под стать, твердый, сильный. И вырастет Торвейг Рагнарсдоттир белокурой красавицей с ясными глазами, отцу с матерью на радость, добрым людям на уважение.

Справедливые норны, что наделяют людей судьбами, не дали Торвейг ни темного шелка материнских волос, ни бледного золота отцовских. Девчонка была рыжей, не иначе в прадеда, Кормака. Волосы у Торвейг своим цветом напоминали не осенние листья, не червонное золото закатных лучей, а ржавчину, что покрывает, случается, самое крепкое железо и точит его до самого конца. А вот глаза были синие-пресиние, Рагнаровы глаза.

Они славно жили. Рагнар редко бывал в море больше трех-четырех месяцев и всегда возвращался к зиме, проводя ее дома. У Гуннхильд, дочери Торварда, были самые богатые украшения в округе, она могла хоть каждый день менять красивые шерстяные наряды. Сигват-ярл, добрый сосед и союзник, в залог особого расположения и дружбы прислал в дом Рагнара свою дочь Мерет, чтобы росла вместе с детьми Гуннхильд. Эльвера так и не смогла подарить мужу сына, а вот дочерей у нее было четыре, Мерет старшая и самая красивая. Подружится, должно, с Торвейг.

Правду сказать, Гуннхильд не много времени уделяла дочери — у хозяйки большого дома забот не счесть. Выручала Силье, решившаяся наконец оставить свой домик у моря и рыбачью сеть. Ее мать, Трюд, умерла ле-

Берсерка

том. Гуннхильд хотела выдать подругу замуж: кроткая и нежная Силье стала бы хорошей женой, да и среди хирдманнов Рагнара были те, кто хотел взять ее за себя. Силье запрекословила, наверное, впервые в жизни: не хочу замуж, хочу просто жить рядом с тобой, за детьми смотреть, по хозяйству помогать. Стала Силье-рыбачка в Винтерхейме ключницей, хозяйке Гуннхильд правой рукой. Так и случилось, что именно Силье учила Торвейг и Мерет прясть, ткать, вязать, находить целебные травы. Девочки старались. Особенной дружбы между ними не водилось. Мерет любила шумные игры, носилась по двору, звенела веселым смехом. Торвейг же была молчуньей, слова не вытянешь. Больше всего на свете дочери Рагнара нравилось слушать саги и песни, все равно о чем. А еще она часами пропадала в кузнице, подружившись с Торgrimом, сыном Эгиля-кузнеца, нескладным застенчивым парнишкой. Эгиль взялся за молот, потеряв в морском бою правую ногу. Сладил кузницу и продолжил служить своему ярлу. Хорошие вещи выходили из-под Эгилевых рук, оружие, справа воинская. Женился кузнец поздно, когда ему уже за пятьдесят перевалило, а через три года овдовел. Растил сына, ремесло ему передавал. Говорят, жена его была полонянка из Хольмгарда славянского, но ее мало кто помнил.

Не раз и не два Силье чуть ли не силой вытаскивала Торвейг из кузницы, всю растрепанную и перемазанную, силясь понять: чего там ярлова дочка потеряла? Помогала мехи раздувать, уголь таскала да смотрела, как Эгиль железо плавит — вот уж занятие! А впрочем, в матушку, наверное. Гуннхильд двадцати зим не отсчитала, когда пошла в свой первый боевой поход, куда только отец смотрел... Торвейг хоть к мечам и топорам не тянется. Нет, смотрит, конечно, как учат мальчишек оружному бою, как Рагнаровы воины гоняют друг друга по двору.

Это случилось, когда Торвейг минуло пятнадцать. Она недавно впервые закровоточила, и Гуннхильд вздохнула:

Наталья Петренко

выросла дочка, можно и жениха выбирать. В Винтерхейме был пир горой: Рагнар с сыновьями вернулся из похода, соседи съехались. Никто уже толком не помнит, что и к чему там было, но только хёвдинг пообещал Сигвату-ярлу подарить ему рабыню-финку: взяли много пленных. Сигват немедленно отправился выбирать и ткнул пальцем в зареванную тощую девчонку, что сидела наособицу, кутаясь в драный плащ. В сарае были девушки поплотнее и покрасивее, но ярлу почему-то приглянулась эта.

Девка оказалась с норовом: встать и идти отказалась, а когда люди Сигвата схватили ее, принялась бешено отбиваться, визжа и царапаясь, как дикая рысь. Все же рабыню выволокли во двор, теперь ее крики слышали все. Торвейг, говорят, сидела на крыше вместе с Мерет, а в руках у нее было веретено. Из дома вышли гости: посмотреть, откуда несутся такие отчаянные вопли, а Торвейг... Торвейг вдруг кубарем скатилась с крыши и бегом бросилась к финке.

— Отпустите! — потребовала дочь Рагнара. — Я ее куплю!

Люди Сигвата засмеялись: нет, мол, это подарок нашему ярлу от твоего отца. Иди, девочка, своей дорогой, вот и нитки твои размотались.

Дальше произошло страшное: ярлова дочка откинула голову назад и заревела, как разбуженная зимой медведица, глаза ее вспыхнули диким огнем. Торвейг пошла в атаку. Пятнадцатилетняя девчонка голыми руками раскидала дюжину здоровых мужчин, направо и налево нанося тяжкие раны. Двигалась она при этом с непостижимой быстротой: глазу не уследить. Бджорг, сын Альвисса, в ужасе обнажил меч, но Торвейг одним ударом повергла его на землю. Коли отскочил прочь, зажимая ладонью разодранное плечо, Олаф заорал от боли, когда Торвейг обхватила его руками и принялась сжимать с нечеловеческой силой. Финка вцепилась в ногу Торвейг

Берсерка

и, закрыв глаза, икала от страха. Вигмарр и Виглаф стояли в растерянности, не зная, как подойти к беснующейся сестре, Гуннхильд прижала руки к груди, не узнавая свою дочь, такую тихую и скромную до сей поры. Сам Рагнар не отступил ни на шаг, ибо вождь отступать не должен. Ему удалось схватить дочь за руку, но Торвейг с утробным рыком оттолкнула его, легко сбив с ног. На губах ее вскипела пена.

— Это берсерка! Берсерка!!! — закричал срывающимся голосом Фроуд, сын Трюгтви, кормщик Рагнара.

Страх заледенил кровь. Это были мужественные люди, прошедшие три моря и сотню жарких схваток, готовые умереть за своего хёвдинга и ярла. Воины Рагнара не боялись никого на суше и на море, но берсерк! Точнее, берсерка, и это еще хуже. Так не бывает, так не должно быть, это черное колдовство, злые чары...

Рагнар и сам дрогнул. На своем веку ему приходилось видеть тех, кто именовал себя берсерками, приходилось даже убивать их. Это были сильные мужчины, отличные воины, впадавшие в боевое безумие при виде противника. Они носили звериные шкуры мехом наружу, кусали свой щит, бешено вращали глазами... но никто из них не мог сделать и половины того, что творила сейчас собственная Рагнардова дочь, плоть от плоти его. Те берсерки, говорят, пили настойку мухоморов, от которой тело переставало чувствовать боль. Но была еще одна. Настоящая, природная берсерка, которая, умирая от тяжких ран, пообещала Рагнару, что станет его удачей. И сдержала обещание — на свою удачу Рагнар не мог пожаловаться. Ее тоже звали Торвейг и волосы у нее, кажется, были рыжие...

Вокруг Торвейг образовался круг: вооруженные мужчины, ругаясь, взяли ее в кольцо. Финка все так же всхлипывала и цеплялась за свою спасительницу, очевидно, юная берсерка пугала ее меньше, чем двор Сигвата. Силье-рыбачка с трудом протиснулась впе-

Наталья Петренко

ред, обеими руками держа тяжелое ведро с колодезной водой.

— Торвейг! — громко выкрикнула она.

Берсерка обернулась рывком: сдвинуться с места ей мешала финка, обхватившая теперь уже колени ярловой дочери. Ледяная вода окатила обеих с головы до ног, а Силье проворно отскочила в сторону. Торвейг встряхнулась, как тюлень, выбравшийся на берег. И пропала жуткая чернота расширенных зрачков, свирепая гримаса и звериный оскал. Торвейг Рагнарсдоттир с удивлением взглянула на свои окровавленные руки, озадаченно pokrutila головой. Финка же вдруг вскочила, молниеносно выхватила из-за голенища костяной ножик и загрозила Торвейг своим телом, угрожающе подняв руку.

— Не подходите!

Вот так они и стояли посреди двора, мокрые, растрепанные девчонки-ровесницы: рыжая Торвейг и черноволосая финка-пленница, которую звали, как выяснилось, Рансу.

Рагнар первый пришел в себя и властным взмахом руки заставил всех разойтись. Подошел к дочери, взял ее за подбородок, заглянул в глаза, снова синие, так похожие на его собственные.

— Хочешь взять ее себе?

— Да, — просто ответила Торвейг.

— Значит, так тому и быть. — Рагнар осторожно перевел дыхание, вытер испарину со лба. — Сигват, выберешь себе другую девушку?

— Нет, — с опаской ответил ярл, запахнувшись в плащ синего сукна. — Я вообще передумал, не нужны мне финские рабыни.

По тонким растрескавшимся губам Рансу пробежала легкая улыбка. Она склонила голову перед Торвейг.

— Госпожа моя... пойдете? Вам нужно переодеться.

Дочь Рагнара мотнула головой:

— Я хочу искупаться. Пошли на берег!

Берсерка

Люди расступились перед ними. Финка смотрела на бледного Сигвата-ярла с мстительной радостью. Гуннхильд, с трудом уняв дрожь в руках, безропотно выдала дочери новое платье из крашеной шерсти и еще одно, попроще, но с нарядной вышивкой. Торвейг протянула его финке.

— Надевай!

Гуннхильд тяжело вздохнула. Их с Рагнармом дочь — берсерка. Хорошо было слушать сладкоголосых скальдов, что пели о подвигах берсерков, следовавших за могучими вождями. А обнаружить берсерку в своем доме — намного хуже. Особенно если это твоя дочь. Кто захочет взять ее замуж... такую? А что будет дальше? Вдруг Торвейг убьет или покалечит еще кого-нибудь? Отца, братьев? Может, найти лекаря какого?

Финке Рансу было шестнадцать лет, но она была такая худая и маленькая, что все принимали ее за ребенка. Не то сказать чтобы красивая, но и не дурнушка: живые глаза, тонкий нос, ямочки на щеках. Правда, на севере ценили иную красоту. Торвейг возвышалась над своей новой подругой чуть ли не на целую голову.

Выкупавшись, девушки уселись на берегу, распустив волосы. Финка хорошо говорила на северном языке. Рансу рассказала, как жила в своем селении на берегу моря. Рассказала, что умеет беседовать с духами и знает руны. Так что, если вдруг Торвейг захочется что-то спросить у духов, Рансу может помочь, но не сейчас, а когда луна пойдет на убыль.

— Я хочу знать, что теперь делать... — задумчиво протянула Торвейг. — Как мне жить дальше?

— Живи как жила, — спокойно ответила финка. — Ты же свободная.

— Эй, Торвейг! — закричали сверху.

Близнецы Рагнарссоны спускались к реке. Торвейг, в общем, ладила со своими братьями: они иногда дарили ей украшения, рассказывали интересные исто-

Наталья Петренко

рии, но проводить время предпочитали, как в детстве, с Мерет.

Виглаф и Вигмарр стояли в одинаковых, чуть напряженных позах, перенеся вес тела на правую ногу. Руки у обоих лежали на рукоятях мечей. Торвейг стало смешно: они ее боятся, сыновья Рагнара, молодые волки севера, вон, опоясались оружием, снарядились, будто в битву.

— Как ты это делаешь? — спросил Виглаф. Он был разговорчивее брата, да и нравом полегче. — Ну, становишься берсеркой? Этому можно научиться? Нам бы пригодилось!

Торвейг задумалась: можно ли? Да нет, вряд ли.

— Не получится, — подала голос Рансу. — Это от богов.

— Тебя забыли спросить, рабыня, — оборвал ее Вигмарр. Брат бросил на него предостерегающий взгляд, увидев, как нахмурилась Торвейг. Вигмарр презрительно скривил губы, но ничего не сказал.

— Тебе, Торвейг, все дороги открыты, — примиряюще улыбнулся Виглаф, разведя руками. — Хочешь, учишь биться, слова никто поперек не скажет, я думаю. Теперь. Разве что отец.

— Кто ж меня учить будет... — вздохнула Торвейг.

— Сами научим — если захочешь. — Он ткнул брата в бок.

Вигмарр угрюмо кивнул.

— Может, я не прав, — заключил Виглаф, потрепав Торвейг по макушке, как он это всегда делал, когда сестра была маленькой, — но берсерк должен знать, где у меча рукоять.

— Я берсерка, — сказала Торвейг. — Я научусь!

Потом они пошли в кузню. Эгиль с Торгримом не видели, что произошло во дворе, но им передали, как водится, преувеличив.

— Это правда, что ты всех людей Сигвата-ярла положила? — возбужденно блестя глазами, спросил Торгрим, выкатившись из-за наковальни. — А, Торвейг?

Берсерка

— Ничего подобного! — возмутилась девушка. — Все живы и... почти целы. Я берсерка! Эгиль, ты слышишь?

— Слышу, — невозмутимо отозвался одноногий кузнец. Он прохромал в угол, напился из глиняного кувшина, вытер седую бородищу, что доставала ему до середины груди.

— Я буду учиться драться! Как Скади-льжница!

— Тоже можно. А для чего?

— Как для чего? В поход пойду с отцом... если возьмет, конечно. Моя матушка тоже сражалась!

— Смотри, Торвейг. — Эгиль указал на наполовину выкованный клинок. — Что это?

— Меч. Будет скоро.

— Правильно. Скажу больше, это будет очень хороший меч. Руду для него брали в болоте, она пролежала там сотню лет, а может, и две сотни. Клинок из такого металла не стыдно носить любому ярлу. Меч будет острым, сможет рассечь любую броню, и ему, наверное, дадут имя. И только от человека зависит, будет ли это имя славным. Этот меч может добывать хозяину славу в честном бою. А может разить в спину, убивать детей и стариков, умножая горе и слезы. Ты, Торвейг, как тот меч. Я давно живу на свете, но мало хорошего слышал про берсерков. И еще никто из них не дожил до старости. Решать тебе.

— Я уже решила! Я стану славной воительницей, как те, про которых поют скальды. А после смерти сяду за стол в Вальгалле! Рядом с великим Одином!

— Девочек не пускают в Вальгаллу! — встрял Торгрим.

— А вот и нет!

— А вот и да!

— Валькирии же там есть? Они женщины!

— Ой, гляньте на нее, добрые люди! Валькирия рыжая! — Торгрим залился смехом.

Торвейг бросилась на него, повисла на плечах, ребята покатались по полу кузницы. Завязалась дружеская потасовка. Рансу смиренно сидела у двери, обхватив колени руками.

